

**КАУЗАЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ
И ИХ МЕСТО В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА
(НА ПРИМЕРЕ КАЗАХСКИХ КАУЗАЛЬНЫХ
ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ)**

Каузальные отношения понимаются в современной лингвистике и других гуманитарных дисциплинах как отношения внутренней, не случайной связи событий в природе, обществе, социальном мире [Комаров, 1970].

В синтаксической литературе нет единого устоявшегося родового термина для определения причинно-следственных, целевых, условных, уступительных отношений. Существует по крайней мере три варианта их определения:

- 1) причинные отношения в широком смысле слова [Давыдов, 1853. С. 348-351];
- 2) отношения обусловленности или каузальности в широком смысле [Грамматика современного русского литературного языка 1970. С. 710; Русская грамматика, 1980. С. 562];
- 3) каузальные отношения в узком смысле [Шувалова, 1990. С. 28], [Гусман Тирадо, 1998. С. 21].

С. А. Шувалова называет каузальными отношения порождения, а именно причинно-следственные, целевые и условные. Она не включает в этот круг уступительные отношения. Последние являются отношениями «антиобусловленности» [Шувалова, 1990. С. 55]. За внешней структурной простотой и относительной семантической прозрачностью уступительных конструкций стоит сложная система содержательных отношений, требующая специального исследования.

Р. Гусман Тирадо называет каузальные конструкции генеративными. К генеративным сложноподчиненным предложениям исследователь относит причинные, условные, уступительные, целевые и не

*© С.Ж. Тажибаева, 2001.

включает в круг анализируемых следственные предложения [1998. С. 17].

К каузальным, вслед за С.А. Шуваловой, мы относим причинно-следственные, целевые и условные полипредикативные конструкции (ППК) казахского языка.

Каузальные отношения являются предметом пристального внимания и изучения в философии, логике и лингвистике.

В философии **причинность** понимается как генетическая связь между отдельными состояниями видов и форм материи, процессов ее движения и развития. Возникновение любых объектов и систем и изменение их свойств во времени имеют свои основания, которые называют причинами, а вызываемые ими изменения - следствиями [Советский энциклопедический словарь, 1987. С. 1062]. В логике под причиной понимается явление, связанное с другим явлением, называемым следствием. Возникновение причины неизбежно влечет за собой возникновение следствия, и уничтожение его влечет за собой уничтожение следствия [Кондаков, 1971. С. 417].

Цель как объект философии - это идеальное, мысленное предвосхищение результата деятельности [Советский энциклопедический словарь, 1987. С. 1472]. В логике цель - это то, что представляется в сознании и ожидается в результате определенным образом направленных действий [Кондаков, 1971. С. 586].

Условие в логике - это среда, в которой пребывают и без которой не могут существовать предметы, явления; то, от чего зависит другое; та часть условного суждения, в которой выражается знание о том, от чего зависит что-нибудь другое [Кондаков, 1971. С. 556].

Каузальные отношения как синтаксические смыслы естественных языков - это, конечно же, нечто отличное от того, что отражается в системе логики и философии. Философские, логико-математические модели не в состоянии охватить в полной мере закономерности, действующие в естественных языках. Для более эффективного анализа языковых явлений используются собственно лингвистические методы и приемы исследования. Но философский и логический подходы изучения каузальных отношений, хотя и имеют разные объекты исследования, дают много интересной информации, идей для размышления и представления данной проблемы в лингвистике.

Лингвистику каузальные конструкции интересуют как собственно языковой объект, имеющий формальную и семантическую специфику, которую необходимо выяснить и описать. Каузальные отношения, выражаемые языковыми средствами, отражают ход развития

человеческого мышления от более простого к более сложному пониманию действительности. Они фиксируют закрепление в языке важнейшей ступени человеческого мышления - логического вывода, переход от фактографической констатации к логическому мышлению, умозаключению.

В лингвистике не дается четкого определения категориальной сущности каузальности. Существуют разные мнения о том, что каузальность является

- 1) лексической категорией,
- 2) семантической категорией,
- 3) функционально-семантической категорией [Комаров, 1970.

С. 12].

Каузальные отношения в языке выражаются отдельными лексико-грамматическими средствами, а также средствами простого и сложного предложений. Но наиболее глубоко и полно они передаются формами сложного предложения, предикативные части которого представляют события действительности, а показатель связи эксплицирует отношения между ними.

Можно считать признанным, что в языковых формах раньше других получают выражение простейшие - пространственные отношения, доступные непосредственному наблюдению. Затем они становятся базой для языкового выражения временных отношений. В свою очередь, временные отношения становятся основой для формирования онтологически более сложных отношений - каузальных, которые получают грамматическое выражение, заимствуя формальные средства у ранее сложившихся синтаксических форм, и в первую очередь, у пространственных и временных [Маслиева, 1980; Храковский, 1994; Шамина, 1987].

Каузальный комплекс отражает более высокую, более абстрактную ступень языкового мышления, и в системе языка он надстраивается над временным.

Центральное место среди полипредикативных конструкций, выражающих каузальные отношения, занимают причинно-следственные конструкции, которые составляют ядро сложного языкового комплекса и выступают как категория более высокого порядка по отношению к целевым и условным конструкциям.

В американской лингвистике господствует несколько иное представление об иерархии этих языковых форм. Особое положение отводится здесь условным конструкциям. Именно условные конструкции признаются семантическим ядром каузальности, поскольку

они являются самыми гибкими по значению: «conditionals are the most flexible in meaning since they are open to interpretation as causals, concessive conditionals and concessives» [Koning, 1986. С 243].

Повышенное внимание американских ученых к условным конструкциям связано с гипотезой, согласно которой условие «непосредственно отражает типично человеческую способность размышлять об альтернативных суждениях, делать выводы, основанные на неполной информации, предполагать возможные корреляции между ситуациями и понимать, как мир менялся бы, если бы определенные корреляции были бы другими» [Traugott, Meulen, Reilly etc., 1986. С. 3].

Такое мнение, как нам кажется, несколько противоречит естественному ходу развития мышления, поскольку именно причина отражает естественную логику связей, соединяя реальные негипотетические факты.

Специфику языковых проявлений каузальности можно объяснить на основе анализа причинно-следственных отношений и с опорой на условные или целевые отношения. Но, согласно лингвистической традиции, сложившейся в странах СНГ, естественнее давать интерпретацию каузальности через причинно-следственные отношения [Комаров, 1970; Биренбаум, 1986; Теремова, 1985].

Причинно-следственные отношения - одна из важнейших семантических категорий естественных языков. Причина и следствие образуют диалектическое единство. А. П. Комаров подчеркивает, что «причина, которая не действует, т.е. не имеет следствия, не является причиной, и, наоборот, причина, которая уже не действует, также не является причиной. Причина имеет место, лишь поскольку имеет место ее действие» [Комаров, 1970. С. 85].

На эмпирическом уровне познания причинно-следственная зависимость между предметами и явлениями объективной действительности является объектом наблюдения и фиксации со стороны говорящего. Говорящий утверждает, констатирует наличие причинно-следственных отношений, характеризующих реальную действительность. Это реальные, предметные отношения, существующие вне сознания познающего его субъекта. Следствие также осуществляется по причине объективного характера, не зависящей от деятельности субъекта [Теремова, 1985. С. 6].

Причинно-следственные отношения представляют собой типичные и существенные связи реальной, объективной действительности. Условные отношения, выражаемые в языке, представляют виртуальную проекцию причинно-следственных отношений, поскольку собы-

тие происходит не в реальной действительности, а только мыслимой, гипотетической. Целевые отношения, так же как и условные, представляются не как реальные, а как желаемые, потенциальные. Чтобы определить и теоретически обосновать лингвистическое понятие каузальности как единство причинно-следственных, целевых и условных отношений, необходимо показать внутреннюю, логическую связь между представлениями о причине и цели, причине и условии. Внутренняя структура каузального блока остается пока 'белым пятном'. Специальных монографических исследований по конкретным данным какого-либо языка мало, а по тюркским языкам вообще нет.

В нашем исследовании центральное место отводится изучению природы причинно-следственных полипредикативных конструкций (ППК) казахского языка. Таких конструкций довольно много, и каждая имеет свой особый смысл или оттенок смысла. Внутри причинно-следственных ППК противопоставлены собственно причинные (ППК причинно-следственной зависимости) и несобственно причинные (ППК причинного обоснования). В современном казахском языке причинные ППК выражают разные оттенки значений. Эти конструкции связаны между собой семантическими оппозициями с богатой и сложно организованной системой способов их выражения. В совокупности они образуют то, что понимается как каузальный комплекс в языке.

Семантическим центром системы значений является самое общее значение причины - **причинно-следственная зависимость** двух событий, ей противопоставляется значение **причинного обоснования**.

ППК причинно-следственной зависимости и причинного обоснования являются двумя полюсами одной шкалы. Между этими полюсами обнаруживаются «промежуточные звенья» - конструкции, в которых представлены признаки и тех, и других. Тем самым они как бы соединяют два полюса причинно-следственных конструкций: *диктум-диктумного и модус-диктумного*.

В казахском языке, как и в большинстве тюркских языков, причинные отношения выражаются синтетическими конструкциями с инфинитивной зависимой частью. Зависимое причинное звено всегда препозитивно. Наряду с синтетическими конструкциями, существует в целый ряд ППК аналитического типа. Союзный фонд причинных скреп казахского языка, так же как алтайского и тувинского, постоянно пополняется, чего нельзя сказать об условных и целевых предложениях. Наверное, неслучайно именно на семантическом "участке"

причинности формируются бифинитные сложные предложения с союзной связью предикативных единиц [Черемисина, Колосова, 1987]. Причинные отношения, выражаемые аналитическими показателями, не тождественны тем, которые выражаются ППК синтетического типа. Аналитические причинные конструкции способствуют выражению причинного обоснования, вывода, альтернативной мотивации, обязательно предполагающей позицию говорящего. Именно говорящий оценивает события реальной действительности как причинно-следственные, ср., например: *Олар үйлерінде жоқ сияқты, себебі екі күннен бері есіктері жабық — Видимо, (должно быть/я думаю/полагаю) их нет дома, потому что второй день двери их закрыты.*

Причинно-следственные сложные (полипредикативные) предложения выражают прямую, реально стимулирующую обусловленность широкого плана. В причинных предложениях возможна различная комбинация модально-временных планов частей. Главная часть может иметь любое модальное значение, а зависимая может иметь модальность реальности или предположительности [Грамматика современного русского литературного языка, 1970. С. 710].

Причинно-следственные предложения семантически близки как к целевым, так и к условным предложениям. Но наиболее близки к причинным ППК предложения, выражающие целевые отношения, поскольку цель есть заранее мыслимый результат, «идеальная причина, повернутая из перспективы в настоящее и обуславливающая в нем свое реальное действие» [Комаров, 1970. С. 23].

Целевые конструкции рассматриваются как специфические производные от причинных. Их специфика связана с существенными ограничениями и в способах выражения, и в лексическом наполнении, и в категориально-личном аспекте.

Условные конструкции также рассматриваются как производные от причинно-следственных. Эти отношения связывают не реальные события, имеющие место в определенном временном пространстве, а события виртуальные, мысленно допускаемые, отношения между которыми являются альтернативными (*если А, то В, а если не А, то и не В*).

Семантическое «родство» каузальных предложений не вызывает противоречивых мнений у лингвистов. Единство каузального блока, как считает С. А. Шувалова, состоит в одной общей идее - идее порождения: **ситуация 1 порождает ситуацию 2** [1990. С. 53], а в терминологии испанского исследователя Р. Гуссмана Тирадо, **генери-**

рующая ситуация детерминирует генерируемую ситуацию [Гусман Тирадо, 1998. С. 21-23].

Нам представляется, что отношения между пропозициями, которые различаются между собой типом каузального отношения между частями (при условии неизменности пропозиций, названных каждой из них), можно представить как серию преобразований, состоящих в замене показателя связи одного типа - причинно-следственного - показателем связи другого типа - условного или целевого.

Представим общую формулу конструкции: $A \leftarrow R \rightarrow B$, где A и B называют связываемые пропозиции, R показывает отношения между ними.

Причинно-следственные отношения представляются как реальные отношения совершившегося события B к породившей его причине A . Меняя тип R (отношения) на условие, мы переводим конструкцию (меняем отношение) в виртуальный план, представляя оба события как связанные каузально, но лежащие в виртуальной плоскости, в мире абстрактных возможностей.

Если показатель R целевой, мы переводим исходную причинно-следственную ситуацию в прогностический модальный план. Каузирующая ситуация остается реальной, каузируемая предстает как совершившаяся (достигнутая) или не совершившаяся (не достигнутая) - с различными вариантами временного типа.

Иначе говоря, на некотором более высоком уровне абстракции все три каузальных смысла связаны между собой как варианты общего инварианта.

Исследователи, занимающиеся проблемами причинно-следственных отношений и способами их выражения в различных языках, отмечают, что в силу своего логического характера категория причины в большей степени, чем, например, категории пространства и времени, национально индивидуализирована [Всеволодова, Ященко, 1988. С. 7].

Анализ нашего исследования дает другое представление. Языки, несомненно, различаются между собой структурными типами конструкций, выражающих причинно-следственные и, шире, каузальные отношения. Но существуют закономерности смысловой организации каузальных и других типов предложений, универсальные для всех языков, независимо от их генетической принадлежности и типологических свойств.

ЛИТЕРАТУРА

Биренбаум Я.Г. Нейтрализация оппозиций между разрядами импликационных придаточных предложений // Синтаксическая и лексическая семантика. Новосибирск, 1986. С. 66-79.

Всеволодова М.В., Яценко Т.А. Причинно-следственные отношения в современном русском языке. М., 1988.

Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

Гусман Тирада Р. Генеративные сложноподчиненные предложения в русском языке. Воронеж, 1998.

Давыдов И. И. Опыт общесравнительной грамматики русского языка. СПб., 1853.

Комаров А.П. О лингвистическом статусе каузальной связи. Алма-Ата, 1970.

Кондаков Н.И. Логический словарь. М., 1971.

Маслиева О.В. Становление категории причинности. Л., 1980.

Русская грамматика. М., 1980. Т. П.

Советский энциклопедический словарь. М., 1987.

Термова Р. М. Опыт функционального описания причинных конструкций. Л., 1985.

Храковский В.С. Условные конструкции: взаимодействие кондигциональных и темпоральных значений // Вопросы языкознания. 1994. № 6.

Шамина Л.А. Временные полипредикативные конструкции тувинского языка. Новосибирск, 1987.

Шувалова С.А. Смысловые отношения в сложном предложении и способы их выражения. М., 1990.

Traugott E.C., Meulen A., Reilly J.S., Fergesson C.A. Overview // On Conditionals. Cambridge, 1986. P. 3-20.

Konig E. Conditionals, concessive conditionals and concessives: areas of contrast, overlap and neutralization // On Conditionals. Cambridge, 1986. P. 229-246.